Максимович А.А. Центральноазиатская борьба 1920 - 1930-х гг. против советской власти в фокусе современных российских и узбекских исследователей / А.А. Максимович // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 263-267.

А. А. Максимович

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ БОРЬБА 1920—1930-х гг. ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И УЗБЕКСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Среди исследователей стран Центральной Азии проблема борьбы против советской власти 1920—1930-х гг. в регионе вызвала жаркие дискуссии. И если российские исследователи только-только обратили свое внимание на данную проблематику, то исследователи из азиатских стран разрабатывают вопрос начиная с 1990-х гг.

Узбекская историография. Освободившись от ограничений коммунистической идеологии, узбекская историческая наука в скором времени попала в течение новой государственной идеологии, формируемой президентом И. А. Каримовым, который своими работами, посвященными в том числе и историческому прошлому Узбекистана, заложил определенное направление исследований антисоветских выступлений в регионе в начале XX в. [1]. Узбекские историки критически оценили советский период исследований, обратив внимание на то, как изучались антисоветские выступления в США и Великобритании. Первой стала публикация Н. Г. Хидоятовой [2]. Она помогла коллегам использовать наработки западных исследователей, однако своего отношения к выводам зарубежных ученых не показала.

Антисоветскую борьбу народов Туркестана исследовал Д. Ф. Курбанов, отметив, что она этап борьбы за независимость Узбекистана вплоть до получения суверенитета. По его убеждению, большевистский режим сохранил колониальный характер, против которого и выступали узбекские «борцы за независимость» [3, с. 16, 20].

Поворотным моментом в изучении антисоветских выступлений в Туркестане в 1918—1930-х гг. стали научная конференция и круглый стол Института истории АН РУз 1995 и 1996 г., где были подведены первые итоги работы узбекских историков. Особый интерес представляет конференция, где ученые выступили с сообщениями о бесчинствах Красной Армии, о лидерах и идеологах «антисоветского движения в Центральной Азии 1918—1930-х гг.». Большинство узбекских историков категорически отвергло использование термина «басмачи», считая его «позорным клеймом по отношению к участникам тех событий» [5, с. 25], «унизительной биркой» [4, с. 46]. В результате голосования было принято решение отказаться от советского термина «басмачество» и использовать термин «истиклолчилик харакати» (движение за независимость), отражающий «истинную сущность этой борьбы» [4, с. 48].

Обзорная работа Д. Х. Зияевой посвящена историографии движения в Туркестане. Автор выделила советский период историографии (подразделив его на три этапа: формирование концепции басмачества (1920-е гг.), ее насаждение (1930—1950-е гг.) и рост политизированности и фальсификаций при изучении (1950—1980-е гг.). Критикуя советскую историографию, она акцентирует внимание на том, что «зачинщиками наиболее крупных выступлений были имущие слои и духовенство», но в выводах утверждает, что «идеологами борьбы и лидерами стали представители прогрессивной интеллигенции», хотя тут же пишет о том, что «мало изучены вопросы о роли интеллигенции, социальном составе участников “истиклолчилик”» [4, с. 35, 36, 48, 49]. Поэтому стоит критично подходить к тезису Д. Х. Зияевой о том, что движение имело «общенациональный характер» и «национально-освободительную направленность», а «устремления лидеров отражали общенациональные интересы» [4, с. 50].

Максимович Александр Александрович — аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета

Коллективная работа историков Узбекистана содержит систематизированную информацию по генезису, росту и разгрому «истиклолчилик харакати» в Ферганской долине, а также о советизации Бухарской и Хорезмской республик. Названы лидеры антисоветского движения и зоны их действий, получили отражение реформы, которые, по мнению авторов, преследовали одну цель — ликвидацию повстанческого движения [6, с. 218]. Авторы связывают Туркестанское восстание 1916 г. и антисоветское движение 1918—1924 гг. в одно звено — борьбу за национальное освобождение и независимость, к которой, на их взгляд, стремилось население края как в царский, так и в советский периоды истории. Позитивно, как «политически продуманный и выверенный ход» оценили исследователи сдачу в плен Джунаидхана в Хорезме [6, с. 628]. Вероятно, подобные оценки идут в рамках «героизации» лидеров «истиклолчилик харакати» в современном Узбекистане.

В статье К. К. Раджабова, посвященной теоретико-методологическим основам изучения вооруженной борьбы в Туркестане, дается аргументированное пояснение изменения дефиниций в отношении участников этой борьбы и самого движения. Так, автор указал, что термин «басмачи» никогда не использовался самими участниками движения и был навешен советской властью, а распространенными вариантами определения членов повстанческих отрядов были: «истиклолчилар» — борцы за независимость; «мужохидлар» — борцы за веру. Автор считал, что при изучении антисоветских выступлений в Туркестане в 1918—1930-х гг. правильным будет использование дефиниций «вооруженное движение против советского режима», «вооруженная борьба», «движение оппозиции», «борьба национальной оппозиции», «оппозиционные силы», «повстанцы», «борцы» [7]. Исследователь показал, что, несмотря на то что движение имело широкий размах, максимального развития оно не получило из-за отсутствия идеологического единства. Более того, разногласия, личная вражда и «жажда славы и власти» приводили к столкновениям между отрядами различных курбаши, что в свою очередь выливалось в ослабление влияния повстанцев [5, с. 52, 54]. К. К. Раджабов разделил движение на несколько самостоятельных этапов по численности участников движения, роли его конкретного руководителя, тактике ведения боевых действий, а также по трем зонам (ХНСР, БНСР и Туркестанская АССР — Ферганская долина и Самарканд). Поэтому четкая систематизация и классификация движения вряд ли представляется возможной.

К. К. Раджабов признал, что движение постепенно угасало и теряло свой общенациональный характер. Среди причин этого исследователь назвал военное превосходство Красной Армии, успешные действия советской власти по введению нэпа, «не последнюю роль сыграло и наличие вооруженных банд разбойников, которые присутствуют в любой войне» [5, с. 54]. В целом историк смог отойти от «романтического» восприятия движения, наблюдавшегося у узбекских исследователей второй половины 1990-х — начала 2000-х гг., и критически проанализировать антисоветские вооруженные выступления в Центральной Азии в 1918—1930-х гг.

Слабо изученными остаются такие значимые вопросы, как широта социальной базы вооруженных выступлений, отношение местного населения к отрядам повстанцев, изучение региональных особенностей движения в Самарканде и Хорезме, антисоветская борьба в регионе в 1925—1934 гг. Для узбекской историографической парадигмы характерна категоричность выводов касательно антисоветских выступлений. Вооруженная борьба против большевистской власти в Туркестане возведена в статус «национально-освободительного движения, которое носило общенациональный характер». Однако с середины 2000-х гг. начались критический пересмотр особо резких оценок исследований и обращение к проблемным вопросам темы, которые могут качественно повлиять на общую оценку всего движения.

Российская историография. Работы современных российских авторов занимают значимое место в общем историографическом комплексе по проблематике басмаческого движения. Историки России освободились от прежних идеологических догм, получили доступ к новым данным и начали рассматривать феномен басмачества с качественно иной точки зрения. В то

же время определенные централистские склонности не могли не повлиять на направленность исследований и их результаты. Среди работ можно отметить исследования Ю. В. Ганковского, в которых автор приводит личностные характеристики басмаческих лидеров и описывает их роль в организации басмаческого движения в Восточной Бухаре [8; 9]. Не менее интересной представляется работа Д. И. Вдовиченко. Историк приводит обширные биографические данные, подробно анализирует политическую деятельность Энвер-паши [10].

Историко-генетический и историко-сравнительный методы стали основными при изучении проблемы для Д. В. Шевченко [15, с. 309]. Использование этих методов позволило сделать вывод о том, что центральное значение при становлении крупномасштабного басмаческого движения в Центральной Азии имел «массовый красный террор... на фоне уничтожения традиционных исламских институтов» [12, с. 39]. Исходя из этого, опираясь на новые архивные данные, автор предположил, что басмаческое движение в районах Бухары и Самарканда «приняло характер общенародного движения сопротивления советской власти в период с конца 1921 г. до лета 1923 г.» [11, с. 16].

Временная локализация антисоветского движения, осуществленная Д. В. Шевченко, довольно интересна. Нижней хронологической рамкой для исследователя стал приезд в советский Туркестан Энвер-паши, который преуспел в объединении вокруг себя разрозненных до того повстанческих отрядов. Верхней хронологической чертой Д. В. Шевченко считает поражение и бегство другого турецкого эмиссара Селим-паши [11, с. 13]. В то же время автор не склонен поддерживать ни советский «эксплуататорский», ни западный «общенациональный» тезисы о социальной поддержке басмачества на протяжении 20—30-х гг. XX в. Исследователь считает, что в районах Бухары и Самарканда басмаческое движение действительно представляло интересы широких слоев центральноазиатской общественности, вот только длилось это по историческим меркам не долго. Ферганское и хорезмское басмачество уже через несколько лет после прихода в Центральную Азию советской власти потеряло свой авторитет. Причины этого историк видит в бесчинствах отрядов басмачей в отношении мирного населения, в ослаблении террора и реабилитации советской властью в правах традиционных исламских институтов [11, с. 17]. Таким образом, Д. В. Шевченко придерживается версии о том, что решающей причиной ликвидации басмачества стало лишение его социальной поддержки, а вовсе не методы террора и насилия. К причинам поражения басмачества автор также относит превосходящую боеспособность Красной Армии и отсутствие у повстанцев лидеров, которые смогли бы из разобщенных по национальному и экономическому признакам отрядов создать единое мощное движение.

Отдельного рассмотрения заслуживают работы А. И. Пылева, который считал, что антисоветское движение было массово поддержано во всей Центральной Азии различными слоями населения, в том числе и беднотой. Причиной этого стал экономический кризис в регионе [13, с. 54]. Помимо постулата о массовости интересно и исследование тех общественно-политических альтернатив, которые предлагали лидеры басмачества. Каждый регион обладал своей спецификой, и даже в одном регионе встречались кардинально отличающиеся варианты: от «исламской республики» до возвращения сбежавшего эмира [14, с. 9]. Исследователь полагает, что движение носило не антисоветский, а антироссийский характер, на что указывает тот факт, что многие лидеры басмачества поначалу активно выступали за установление советской власти, но после того, как главные управленческие должности обходили их стороной, переходили на сторону сопротивления режиму большевиков под лозунгами национализма [13, с. 82]. А. И. Пылев утверждает, что басмаческое движение было борьбой традиционных элит за сохранение своего господствующего положения в обществе [14, с. 20]. Исследователь косвенно подтверждает советский тезис о том, что это было движение «эксплуататорских» слоев общества, которым удалось с помощью идеологической обработки и популистских обещаний привлечь на свою сторону массы бедноты.

Ряд работ частично затрагивают проблему басмачества. Например, С. Б. Панин рассматривает проблематику басмачества в контексте политических отношений между Советским Союзом и Афганистаном [16, с. 93—110]. Одной из серьезных причин развития крупномасштабного басмаческого движения исследователь называет излишне агрессивную политику советской власти в отношении местных широких мусульманских масс. Р. Г. Ланда считал, что основой развития крупномасштабного басмаческого движения после Октябрьской революции являлись среднеазиатские восстания 1916 г., вызванные царскими указами о мобилизации мусульманского населения на тыловые работы. Самым трагическим последствием басмаческого движения, по мнению историка, была гибель «лучших представителей местных рабочих, революционных дехкан и образованной интеллигенции», что привело к снижению темпов социокультурного развития центральноазиатского региона [17, с. 205].

Время от времени в российской исторической литературе появляются статьи, посвященные той или иной круглой дате в истории басмаческого движения. Так, М. Калишевский в статье о 90-летии со дня провозглашения Хорезмской Народной Советской республики (ХНСР), затронул вопрос о социальной поддержке басмачества и пришел к выводу, что участниками выступлений стали «крупные землевладельцы, местные фабриканты, мусульманское духовенство и весьма значительная часть крестьянства», к которым присоединялись «отдельные белогвардейские отряды и представители местного русского чиновничества» [18]. Лозунги басмачей автор определил как «лозунги панисламизма с оттенком пантюркизма», «содержащие антирусские мотивации». Автор утверждает, что свою цель басмачество видело в «ликвидации большевистской власти и создании объединенного исламского государства».

Большинство современных российских ученых-востоковедов пока не обращают свой взор на антисоветское движение в Центральной Азии. Те, кто занимается изучением проблемы, успешно преодолевают советскую идеологизированность, но пока до конца не могут справиться с централистскими («имперскими») перекосами, обращая внимание на антироссийские лозунги восставших. Недостаточно внимания отведено изучению социальной базы басмаческого движения в различных областях Центральной Азии, слабо раскрыты вопросы, связанные с иностранным вмешательством в происходившее в регионе, отсутствуют работы, которые освещали бы региональную специфику антисоветских выступлений.

Итоги. Несмотря на множество различий в подходах к обозначению названия антисоветского движения в Центральной Азии и его оценке, российские и узбекские исследователи пришли к выводу, что движение носило массовый характер лишь в определенный, не очень длительный период противостояния, что было связано в первую очередь с экономическим кризисом в регионе. Решающую роль в ликвидации движения сыграли не военные меры, а успешная политика советской власти. Дискуссионными остаются вопросы о роли движения в становлении государственности народов Центральной Азии, а также о ширине его социальной базы. Серьезным минусом можно назвать политизированность вопроса. Ряд вопросов требуют дополнительного изучения: местная специфика движения, иностранное вмешательство в события в регионе. Проблема изучения антисоветского движения в Центральной Азии по-прежнему является актуальной для исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каримов, И. А.* Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология / И. А. Каримов. Ташкент : Узбекистон, 1993. 84 с.

2. *Хидоятова, Н. Г.* Басмаческое движение в современной советологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Г. Хидоятова. Ташкент, 1993. 21 с.

3. *Курбанов, Д. Ф.* Политическая борьба по проблеме национальной государственности в период установления большевистского режима в Туркестане: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д. Ф. Курбанов. Ташкент, 1995. 23 с.

4. *Зияева, Д. Х.* Национально-освободительное движение в Туркестане в историографии XX века (проблемы изучения истории восстания 1916 г. и движения «истиклолчилик» 1918—1924 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.30.02 / Д. Х. Зияева. Ташкент, 1999. 61 с.

5. *Раджабов, К. К.* Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918—1924 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / К. К. Раджабов. Ташкент, 2005. 64 с.

6. Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости / Р. М. Абдулаев, [и др.]; под общ. ред. Д. А. Алимова. Ташкент : Шарк, 2000. 672 с.

7. *Раджабов, К. К.* Теоретико-методологическая основа изучения истории вооруженного движения (басмачества) в Туркестане (1918—1935 гг.) / К. К. Раджабов // Информационное агентство ЦентрАзия [Электронный ресурс]. 2009. — Режим доступа: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1206658860 — Дата доступа: 07.02.2011.

8. *Ганковский, Ю. В.* Персонажи с «той стороны». Ибрагим-бек Локай / Ю. В. Ганковский // Азия и Африка сегодня. 1994. № 4. С. 61—63.

9. *Ганковский, Ю. В.* Персонажи с «той стороны». Энвер-паша среди басмачей / Ю. В. Ганковский // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С. 59—61.

10. *Вдовиченко, Д. И.* Энвер-паша / Д. И. Вдовиченко // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 42—45.

11. *Шевченко, Д. В.* Басмаческое движение. Политические процессы и вооруженная борьба в Средней Азии. 1917—1931 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. В. Шевченко. Иркутск, 2006. 21 с.

12. *Шевченко, Д. В.* Формирование массового басмаческого движения в Средней Азии после Октябрьской революции / Д. В. Шевченко. Иркутск, 2006. 59 с.

13. *Пылев, А. И.* Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века) / А. И. Пылев. Бишкек, 2006.

14. *Пылев, А. И.* Басмаческое движение в Средней Азии (1918—1934 гг.). Общие черты и региональные особенности: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.И. Пылев. СПб., 2002. 22 с.

15. *Сидорцов, В. Н.* Методологические проблемы истории / В. Н. Сидорцов. Минск : ТетраСистемс, 2006. 352 с.

16. *Панин, С. Б.* Советская Россия и Афганистан 1919—1929 гг. / С. Б. Панин. М.; Иркутск, 1998. 260 с.

17. *Ланда, Р. Г.* Ислам в истории России / Р. Г. Ланда. М., 1995. 311 с.

18. *Калишевский, М.* «Хорезмский эксперимент» большевиков / М. Калишевский // Информационное агентство «Фергана» [Электронный ресурс]. 2007. — Режим доступа: http://www.fergananews.com/article.php?id=6554 — Дата доступа: 17.02.2011.

РЕЗЮМЕ

Анализируются работы российских и узбекских авторов об антисоветских выступлениях в Центральной Азии в 1920—1930-х гг. В ней определяются и кратко характеризуются основные труды исследователей, указываются основные тенденции российской и узбекской историографических школ в исследовании антисоветских выступлений. Работа вскрывает противоречия между российским и узбекским пониманием причин выступлений, движущих сил и причин поражения антисоветского движения в Центральной Азии в 1920—1930-х гг. Статья содержит анализ достижений и проблем историографических школ России и Узбекистана в исследуемом вопросе.

SUMMARY

The article is devoted to comparison of the works of Russian and Uzbek authors who wrote about the anti-Soviet movement in Central Asia of 1920—1930-s. The article indicates and briefly characterizes the major works of researchers. It describes the basic tenets of Russian and Uzbek historiographical school for anti-Soviet movement in the region. The article reflects differences between the Russian and Uzbek understanding of the causes of formation, the driving forces and reasons for the defeat of the anti-Soviet movement in Central Asia of 1920—1930-s. The paper contains analysis of the successes and difficulties of the Russian and Uzbek historiographic schools in this problem.

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2011 г.